

в эти последние годы, вас это устраивает — безраздельная власть денег, нарастающее как снежный ком богатство немногих нуворишей и кричащее обнищание абсолютного большинства? Кого и что поддерживаете вы в современной России? И почему, столь ревниво отстаивая саму идею и суверенитет еврейского государства, идеологию сионизма, которую, между прочим, тоже обвиняли в шовинизме и расизме, вы никак не можете понять русских, остро переживающих сегодня кризис идентичности и желающих во что бы то ни стало сохранить свою государственность и целостность? Почему тезис влиятельного израильского политика, недавно посетившего Россию, «главное — быть евреем» вас не смущает и не возмущает, а понятие «русский патриот» превращено в обидный ругательный термин, и опасность распада великой державы на 40-50 небольших «удельных княжеств» не вызывает у вас видимой тревоги и беспокойства? Как быть тут русским? Будет или не будет Россия — для них это вопрос исторической судьбы, их будущности.

Но, повторяю, задавая эти вопросы чисто полемическим образом, я пришел тогда к выводу, что (цитирую самого себя) «еврейский вопрос» оборачивается «русским вопросом». Впрочем, может быть, они так и существуют у нас — не врозь, а рядом и вместе. Тогда их так и надо рассматривать, не убегая от себя: евреям от своего «еврейства», а русским — от свой «русскости». В том, что именно так и получается в реальности, меня еще больше убедил Танкред Голенпольский, главный редактор «Еврейской газеты», издаваемой в России. Я пригласил его на то заседание и просил выступить, а он так и не выступил, объяснив это следующим, для меня весьма неожиданным, образом: «Я внимательно выслушал всех, кто выступал (а большинство из них были евреи — либералы, социал-демократы, коммунисты — В.Т.), и понял, что это не евреи, а русские с еврейскими фамилиями. Ни один из них не говорит на идише и иврите, не знает глубоко еврейской культуры, не соблюдает обычаев и т.д.»

Выходит, русский вопрос, как ни странно, относится не только к русским, а ко всем россиянам, поскольку они определяют свою принадлежность к России через свое отношение к **государству и культуре**, к тому «миру миров» или «супер-этносу», каким вчера был Советский Союз, а сегодня — Российская Федерация. Кстати, нас всех — русских, татар, евреев, бурятов и т.д. — так и воспринимают на Западе, называя вчера «советик», а сегодня — «рашен».

Вот о русских в этом широком значении и смысле — об их общественном сознании и поведении, ментальности и позиции, об отношении к собственной стране и будущему — я и предлагаю поговорить на Клубе откровенно и беспристрастно. Скажем, о том, почему русские так спокойно, безразлично отнеслись к распаду СССР, молчаливо согласившись с «Беловежским сговором» в декабре, хотя в марте того же 1991 года подавляющим большинством проголосовали за его сохранение и целостность? Ведь никто, ни один человек не вышел на улицу или на Красную площадь, чтобы опротестовать безусловно своевольное, юридически неправомочное решение, не воспользовался этим своим правом при свете гласности и свободы слова, тогда как в тоталитарные времена нашлись целых восемь (!) человек, открыто выступивших против ввода советских войск в Чехословакию. Почему миллионы русских позволили среди бела дня ограбить себя правительству Гайдара в 1992 году, затем обмануть еще и еще раз, смирившись с грабительской приватизацией «по Чубайсу», разгулом оголтелой преступности и беспрецедентной для цивилизованного мира практикой неплатежей за выполненную, сделанную работу? Даже западные наблюдатели, при всей их приверженности к рынку и демократии, не могут найти объяснение феномену русского долготерпения, хотя именно оно, видимо, и является почвой и источником возникновения русского бунта — «бессмысленного и беспощадного» (А.С.Пушкин).

Но мы, русские, вместо того, чтобы задуматься о собственной самости, своей гражданственности и национальном достоинстве, о том, чего, собственно, сами хотим, можем и должны, упорно продолжаем искать нити международных «заговоров», ссылаться на происки «жидомасонов», искать «чеченские» и другие «следы», подозревать в неблаговидных помыслах и делах подряд всех «лиц кавказской национальности». До недавнего времени я внутренне не принимал расхожий в научных кругах тезис поиска русскими своей идентичности, полагая, что мы эту идентичность или национальный характер давно уже выработали и обрели. И потому постоянно внутренне, на уровне культуры сопротивляемся всяческим новациям и переменам — то перестройке, критикуя ее «прорабов» за нерешительность и медлительность, то либеральным реформам, ужаснувшись нас своими шоковыми результатами и последствиями. Защищая русскую ментальность, я вместе с тем вижу многие ее вывихи и перекосы, в частности склонность к радикализму (и «левому, и «пра-

вому»), излишнюю восприимчивость к модным веяниям, чрезмерную осторожность, даже недоверие к положительному опыту других народов и культур, и, одновременно, всеядное поглощение наихудших привычек и образцов. Относя все это на счет «всемирной отзывчивости» русского характера и образа мышления, разудалости, не знающей удержу, натуры русского человека. И потому писал в эти последние годы «О пользе консерватизма», участвовал в разработке «Центристского проекта для России» и т.д.

Но сейчас, под впечатлением и давлением многих парадоксов российского сознания и поведения, я готов признаться, что я не понимаю, значит — не знаю, что же такое «русский характер», во что он верует и на что надеется, позволяя стране и самому себе опускаться все ниже и ниже, вплоть до, увы, реальной угрозы самоистребления и самоисчезновения. Никогда не разделяя позиций ни благонамеренного, ни просвещенного патриотизма, считая любовь к своему отечеству совершенно естественным чувством любого нормального человека, я вдруг почувствовал острейшую потребность разобраться в том, кто мы такие — русские, в чем реально выражается (на деле сказывается!) наша любовь к собственной стране и на что мы готовы — умом и поступком, чтобы защитить и сохранить дорогие нам ценности и завоевания, которые, что бы там ни говорили, породили великую страну, великую культуру и великий народ.

В.Л.Махнач

Когда я рассказал одному своему старому другу, тоже гуманитарию, о том, каков будет «круглый стол», где я должен выступить, он сказал: своевременный вопрос, но на него может быть однозначный ответ: разумеется, Россия русским не нужна, они это продемонстрировали в 1917 году. По-моему, он имел право на подобное, пусть полусерьезное, утверждение в качестве посылки. Хотя, думается, это не совсем так. Потому что последующие 80 лет показали различные повороты темы, и иногда начинало казаться, что нужна. Банальных примеров приводить не буду, они мне еще понадобятся — мне сегодня понадобится вторая мировая война.

Я попробую представить свой взгляд на этот вопрос следующим образом. Инстинкт, созидающий государство, стереотипы государствообразующие никуда у русских не девались. Они — русские — сформировались как государственники хотя бы пото-

му, что этнически формировались в сверхплотной ситуации – в ситуации XIII века: враждебных границ со всех сторон и иноземных вторжений со всех направлений. Столь плотная ситуация уже определяет такие стереотипы. Даже если не разделять позиции Л.Н.Гумилева по данному вопросу, все равно далеко не уйти от XIII века. Ну, пусть XII и даже XI век, потому что сейчас все мои коллеги согласны, что по крайней мере в первом тысячелетии нашей эры славяне составляли единый этнос. А раз единый, то никаких русских еще нет.

Так вот, государствообразующий инстинкт русским присущ всем, а великороссам чрезвычайно, он и виной тому, что можно поставить – и с правом поставить, основной вопрос сегодняшнего «круглого стола». Русским мешает этатизм. Но я полагаю, что с каждым годом все меньше и меньше, потому что этатизм убывает, этатизм вымывается.

Я не смотрю сквозь розовые стекла на историю Российской империи. Мне доводилось печатно упрекнуть Санкт-Петербургское имперское правительство в том, что оно злоупотребляло доверием стержневого, господствующего народа. Особенно это заметно в XVIII веке, когда армия Российской империи была исключительно русской, а пехота, к тому же, и великорусской, малороссы попадают на флот и в кавалерию, а основной массив крепостного, то есть интенсивно эксплуатируемого крестьянского населения, – тоже великороссы. XIX век смягчил ситуацию, но не компенсировал положение. Хотя вполне справедливо считать, что если кто-то больше сражается и больше проливает кровь, то иные народности должны больше пахать в прямом и во всех переносных смыслах слова: нести воинские налоги или что-то в этом духе. То есть злоупотребления я вижу в поведении Санкт-Петербургского режима. И они были возможны только благодаря развитому русскому этатизму – империя была **своей**, государство было **свое**, самоидентификация совершалась именно с государственной структурой. Государство это поддерживало не самым бездарным способом. Во всяком случае гораздо эффективнее, чем любое советское правительство.

Но дистанция между имперской государственностью и русской нацией начала увеличиваться. Не было бы этого, думаю, невозможна была бы и революция.

То есть проблема этатизма снимается жизнью – «*etat, state*» провинилось, «*etat*» вело себя настолько плохо, что демос и вполне складывающееся гражданское общество проявляли недоволь-

ство этим государством. Напомним здесь, что формирование гражданского общества в России было задержано бюрократическим переворотом Петра I.

Что мы получаем в советское время? Мы получаем попытку химеризации 20-х — начала 30-х годов, попытку создать ложно-этническую общность «советский народ». Только историк XXI века может проанализировать, насколько это удалось, насколько несчастные, топающие ногами на улицах Нарвы, скандируя «Са-вет-ский Са-юз», жертвы химеризации. А грохнули бы кулаком и сказали, что Нарва — русский город, тут же вся прогрессивная общественность недовольно согласилась бы. И первым бы согласилось Эстонское государство, пока не вспомнили, что Юрьев — Тарту — тоже русский.

Это — попытка химеризации, и я думаю, что революция была направлена не просто на разрушение русской культуры, но и на разрушение русского этноса (я осторожнее бы использовал термин «русская нация», ибо мы будем вкладывать разные понятия в термин «нация»), и вовсе не потому, что революцию успешно провели и составили правительство пресловутые «жидомасоны» (хотя, конечно, многовато представителей этого этноса в первых правительствах революционной России). Не в этом дело, а просто русские мешали — надо было расчистить дорогу созданию «советского народа», созданию химеры, и, естественно, господствующий этнос мешал.

Казалось бы, русские могли избавиться от этатизма или по крайней мере минимизировать его, ибо откровенно чужим был коммунистический режим. Но тут наступает война, и я согласен с утверждением И.Л. Солоневича: в первой своей книге «Россия в концлагере» (1935 года) он пишет, что как только начнется более или менее крупная война, большевиков и комсомольский актив перебьют, и с коммунизмом в России будет закончено. Так бы и случилось. Он был в 1935 году прав. А в 1956 году этот же публицист был прав, когда в «Народной монархии» он вспоминал, как предупреждал немецких профессоров: «Вы вызовете народную войну, что вы делаете».

Россия в 40-ые годы проиграла бы войну любой Германии — имперской, монархическо-прусской, республиканско-демократической, даже Германии фашистской проиграла бы войну, а выиграла у Германии нацистской, которая имела **достаточно глупости** вызвать страх русских за собственное этническое существование. Весь процесс освобождения от избыточного этатиз-

ма был утрачен, потерян. Победоносный финал — День Победы, фейерверк, но государство стало почти своим. Почти совсем своим. Для кого-то оно оставалось не своим, но это было уже меньшинство и общества, и населения. И русские остались в подвешенном состоянии. Этатизм получил подкормку, с этатизмом мы вошли в эпоху Горбачева, и, из этатистской преданности государству исходя, начали пространство этой страны разрушать. Этатизм мешает до сих пор русскому человеку.

Я проверял это в другой ситуации. Напротив меня сидели три видных действующих политика, более или менее национальной, по крайней мере, патриотической ориентации. И когда я сказал одну фразу, было видно, что я открываю для них свет в окошке, хотя я не думал, что над этим можно задумываться. Я сказал, что «вы все время путаете банальные термины, когда, наконец, политики перестанут свободно взаимозаменять понятия «страна» и «государство»? Это же вам **всем** мешает. У них же разные корни, разная этимология, как и в других европейских языках. Один бормочет: «Да, да, это так», вспомнив английский вариант.

Этатизм мешает четкому использованию категории «страна» и «государство», они действительно разные. Но все больше становится людей, которые не говорят «Россия» применительно к Российской Федерации, а говорят «Российская Федерация», «президент Российской Федерации», «правительство Российской Федерации». Это вполне законно и законопослушно. А в самом деле, почему? Государство Российской Федерации не совпадает с территорией **страны** России. Это и не удивительно, так бывало много раз. В XII веке каждое княжество было государством, а Русь воспринималась как единая страна. А сколько было суверенов в Германии в середине прошлого века, до 1870 года, я и не вспомню.

Итак, налицо этатизм, этатистская проблема, этатистская болезнь, этатизм, мешающий твердому пониманию того, что и страна, и тем более нация могут быть расчленены между множеством государств. Да, существует такое государство — Украина, и государство Российская Федерация, которое может иметь с ним двухсторонние отношения. Но такой страны — «Украина» — не существует и никогда не будет существовать, потому что это «окраина России» и называют ее Малороссией, Новороссией.

Все это вызывает вопрос национальной идентификации, проблему национальных границ, проблему этноса и нации, проблему *nation state* — что строим? Четкому объяснению проблем

границ этноса, нации, государства, «национальное государство» или «империя» — мешает пока один-единственный этатизм. Думаю, этатизм преодолевается, и демократическая прививка очень хорошо работает. Слава Богу, мы изучали десять лет принципы гражданского общества. Слава Богу, любой молодой человек сейчас тверд в том мнении, что государство — это обслуживающий персонал общества, а не наоборот. И нам с этого пути уже не свернуть. И это тоже поможет преодолеть этатизм и будет способствовать появлению национальной самоидентификации. А уж насколько это будет уютно и кого при этом обидят, я не знаю, я не смею заглядывать в завтрашний день. Историк на это не имеет права.

Г.Г.Водолазов

Я хотел бы сосредоточиться на вопросе: «Парадоксы современного российского сознания и поведения» — в рамках подхода, намеченного Валентином Ивановичем в его вступительном слове.

Начать я хочу вот с чего. Всегда, когда на тебя накатывают тяжелые жизненные обстоятельства, встает гамлетовский вопрос: смириться под ударами судьбы или надо оказать сопротивление? Ответ на него важен, в частности, и потому, что нам хорошо известны позиции различных фракций современной политической элиты, а вот позиции широких слоев российских граждан, социальных низов мало занимают воображение наших ведущих аналитиков. Итак, как же наше общество, наш народ отвечает на этот вопрос — смириться или оказать сопротивление? И есть ли смысл в сопротивлении? И есть ли силы для него?

Создается впечатление (и Валентин Иванович об этом говорил), что народ как будто бы смирился. Он молчит. (Хотя в скобочках замечу, что в 1991 году он не молчал.) Тогда миллионы выходили на площади, на защиту Белого дома, на митинги и демонстрации. То есть он не всегда молчал, не всегда смирился. Но сейчас, действительно, он как будто бы молчит, как будто бы смирился.

И вот передо мной этот вопрос — что означает это молчание? Как повлияет оно на жизнь общества? Ожидать ли, в силу этого молчания, следующих, и все более увесистых, ударов судьбы? Некоторые деликатно говорят (например, Андраник Мигранян, если я его правильно понял), что народ не созрел, что народ своей отсталостью, неразвитостью лимитирует историчес-

кое развитие, лимитирует ту деятельность по историческому прогрессу, которую ведет «далеко продвинутая» интеллигенция. А если выразаться неделикатно (как это случается, например, с Валерией Новодворской и Константином Боровым), то можно договориться и до того, что народ – быдло, стадо, и поэтому он молчит, что он мычать только и может. Отсюда с необходимостью возникает идея: неплохо бы иметь авторитарных деятелей, «пастухов» той или иной ориентации, которые бы повели это стадо «куда надо».

У меня другое представление обо всем этом. Забегая вперед, сделаю некоторые выводы, а потом попытаюсь их обосновать. Во-первых, думаю, что нынешнее молчание народа – это очень содержательное молчание, это не пустота. Массовое сознание (имею в виду общественное массовое сознание низовых структур народа, гражданского общества) продвинулось, на мой взгляд, максимально возможно на сегодняшний день – настолько, насколько может продвинуться непрофессиональное сознание. И второе. Незрелой, не выполняющей свои функции, своего назначения внутри общества силой, ограничивающей и лимитирующей развитие общества, является как раз интеллигенция – гуманитарная интеллигенция и, в особенности, та ее часть, которая именуется теоретической интеллигенцией, т.е. – размышляющей над проблемами общественного развития.

Первый вопрос: почему молчит народ, в чем содержательность этого молчания?

Мне кажется, что в основе этого молчания ясное понимание (или скорее – ясное ощущение) того исторического тупика, в который зашло наше общество. Ни прежний социализм, ни нынешняя так называемая либеральная демократия не принимаются сегодняшними россиянами. И не ясно, с другой стороны, что может быть вместо этого. 1991 год. Миллионы поднимались на активные действия потому, что тогда была надежда, что вместо рухнувшей парадигмы социалистического типа нас спасет демократическая (либеральная). А сейчас рухнули обе исторические парадигмы – и прежняя, и нынешняя. И неясно, что дальше. И возникла ситуация – приостановиться, подумать, помолчать, поразмыслить, куда же двинуться дальше. Надо сказать, что в этом молчании идет содержательная работа массовой мысли, вырабатывается и оттачивается отношение к содержанию исторических парадигм и поиск выхода из них.

Я опираюсь на данные опроса, который проводил Фонд Эберта и социологический институт, возглавляемый Михаилом Горшковым. В моем кратком сообщении, естественно, невозможно привести все цифры и, кроме того, я понимаю, конечно, всю ограниченность подобных опросов. Но все-таки это некоторая эмпирия, образ реальности, а не абстрактно-кабинетные гипотезы.

Вот опросы, касающиеся сопоставления трех политических режимов: сталинского, брежневского и ельцинского. Опрос по 28 параметрам.

Общее первое место занял брежневский режим: по 17 позициям он поставлен на первое место, по 10 — на второе, и только по одной — он на третьем месте. На втором месте сталинский режим: 8 первых мест, 12 вторых, 8 третьих. На последнем месте — с огромным отрывом — современный режим: 3 первых места, 12 вторых и 19 последних мест.

Казалось бы, какой вывод должно сделать из этого? Вроде бы такой: вернемся к брежневскому режиму, или хотя бы к сталинскому. Но вот что любопытно: такого вывода опрашиваемые не делают. Почему? Посмотрите, какие недостатки фиксируют у сталинского и брежневского режимов.

Сталинский режим на последнем месте по следующим позициям: первая — общество живет в страхе («господство страха» — 70 процентов россиян говорят об этом), вторая — отсутствие доверия между людьми (лишь 5,3 процента говорят, что доверие между людьми тогда было); третья — отсутствие гражданских и политических свобод (о существовании в те поры этих свобод говорят лишь 1,7 процента).

Всего три последних места. Но каких! Чего стоят все его «первые места» — «авторитет в мире», «любовь к отечеству», «быстрое экономическое развитие», «дисциплина и порядок», «наличие идеалов», если приходится жить в атмосфере «страха», отсутствия доверия между людьми, политических и гражданских свобод!

И в другом опросе — был вопрос: «Можно ли оправдать сталинизм?». «Нельзя!» — так ответили 75,6 процента молодых людей (от 16 до 24 лет) и 53 процента граждан старшего поколения. А если взять в целом — 64 процента россиян ответили, что «нельзя оправдать сталинизм». Поэтому тяги к сталинизму в современном массовом сознании россиян нет. Сейчас плохо, но к сталинизму — ни за что!

Брежневщина только по одному параметру на последнем месте — «всевластие бюрократии» (60 процентов опрошенных об этом говорят). Отмечаются «плюсы» — «социальная защищенность» (1 место с большим отрывом), «жизнерадостность» (*смех в зале*), «доверие между людьми», «успехи в образовании», «успехи в науке и технике», «мощная промышленность». Но при этом — «всевластие бюрократии» и, следовательно, человек отчужден от всех этих достоинств.

Достоинств (первых мест) нынешнего режима только три, но зато какие! Первое: гражданские и политические свободы (причем, с каким отрывом!) — об этом говорят 71,7 процента (при Сталине — лишь 1,7; при Брежневе — 5,15). Второе: уважение к православной церкви, по сути дела — к свободе совести (при Сталине — 1,9; при Брежневе — 3,5; сейчас — 32,4 процента россиян считают, что это есть). Третье: возможность стать богатым человеком. Здесь разные могут быть подходы и оттенки, но здесь есть и оттенок возможности экономической инициативы, деятельности, активности. При Сталине наличие такой возможности видели лишь 0,7 процента россиян, т.е. это было общество всеобщей бедности; при Брежневе — 5,8 процента.

И вот общий итог: нынешний режим неприемлем, по большинству параметров он на последнем историческом месте. Но люди не хотят и в прошлое, и поясняют, почему. Т.е. это **осознанное** неприятие, это **осознание** плюсов и минусов систем и **понимание**, что плюсы этих систем и минусы взаимосвязаны и друг друга порождают. Это один из моментов **содержательности молчания**. Как и куда выходить из этой ситуации? Здесь большой ясности нет. Но проблемы в массовом сознании поставлены, ограничители указаны, чего хотят, чего не хотят россияне в целом, тоже указано.

Моя убежденность в содержательности молчания увеличивается еще больше, когда я вижу, каким видится массовому сознанию основное противоречие современного российского общества и в каком направлении ищет массовое сознание выход из нынешнего положения — и в сфере социально-экономической, и в сфере политической.

Опросы ясно показывают, в чем видят россияне суть главного социально-экономического антагонизма в российском обществе. Это — противостояние богатства олигархии и нищеты громадного большинства граждан. Что делать, как двигаться к